

Роман основан на реальных событиях.
Персонажи вымышленные. Все совпадения имён,
событий с реально существующими именами
и событиями могут быть только случайными.

*Знакомые он слышит звуки...
И к призраку стремятся руки;
Он вспомнил всё — её зовёт...
Но вдруг очнулся. Ах! Несчастный,
В какой он бездне здесь ужасной...*

«Кавказский пленник»
М.Ю. Лермонтов

Глава 1
АРЕСТ

Весна 2010 года

— Руки! — оперативник надел и защёлкнул наручники. — Пошла! Давай! Я же сказал: «Нельзя!»

Яна ощутила толчок в спину, но не спешила сделать следующий шаг.

— Ну, пожалуйста, — с затаённой надеждой заискивающе попросила она. Голос сел, и губы плохо слушались.

— Вы поймите, это отец её сына, — умоляюще произнесла мама Яны, сжимая в руках трубку городского телефона.

Оперативник остался непреклонным.

«Сранный комитетчик!» — подумала Яна. Низкого роста «комитетчик», посмотрев на неё снизу вверх, словно прочитал её мысли. Он явно получал удовольствие, унижая арестованную. Под его взглядом Яна выпрямилась, подчёркивая свой рост.

Он нахмурился и вновь толкнул её в спину.

— Шуმიлина, давай, давай! Никаких телефонных разговоров! Не надо никого предупреждать! Всё равно всех прихлопнем, всех до единого!

Яна нехотя двинулась к выходу, сделав шаг вперёд, повернула голову. Римма Сергеевна вновь поднесла телефон к уху:

— Алло, — в трубке лишь слышался непрерывный зуммер, словно никто и не звонил. Растерянно посмотрев на конвой, не выдержала: — Что же вы делаете? Даже не дали Яне поговорить с её... — насторожившись, после паузы добавила: — Мужем.

— Мы свою работу делаем, а ваша дочь закон нарушила.

Оперативник подсунул под нос Римме Сергеевне постановление на арест.

— Что же вы так грубо, не по-человечески как-то?

— А что же вы не уберегли свою дочь от наркомании? — упрекнул оперативник.

Яна напоследок нервно подняла вверх крупные ладони. Сделав прощальный жест маме, переступила порог квартиры.

Яна уже не видела, что её мама глубоко вздохнула. Сердце Риммы Сергеевны сжималось. Всё происходящее казалось чудовищным, хотя Яну уводили не первый раз. Но где-то внутри она понимала, что сейчас для дочери более безопасно тюремное заключение, нежели дрянью травить организм. Всё началось после того, как Давид погиб... И с тех пор Яна свою жизнь пустила под откос. Понятые ушли, следовательно с помощниками тоже уехал. Ладно хоть всю квартиру не перевернули вверх дном, обыск провели только в комнате Яны. Обнаружили «дозу» и деньги помеченные. А это — хранение и реализация, а срок грозит до восьми лет...

Трёхкомнатная хрущёвка находилась на втором этаже. Яна, одетая в спортивный костюм, торопливо спустилась по лестничным пролётам. Конечно,

не обошлось без сопровождения любопытных соседей. Чтобы не пересекаться ни с кем взглядом, она на глаза натянула бейсболку.

На улице глубоко вдохнула воздух, пронизанный майским солнцем. Яну утешало: сейчас её сыночек в детском саду и не увидит свою маму в наручниках. Знала: везут в следственный изолятор, но на душе скверно не от этого. Неожиданный звонок междугороднего телефона серьёзно озадачил.

Они ехали в новом автомобиле «ВАЗ-2114». Принципиальный оперативник — впереди с водителем, а Яна с конвоиром — на заднем сиденье. Задумчиво наблюдала за дорогой. Выезжали из знакомых ей улочек промышленного района в сторону центра. Следственный изолятор находился в другой части города, на улице Достоевского, как будто напоминая о преступлении и неизбежности наказания.

Оперативник дал команду водителю:

— Поехали через проспект, он сейчас не очень загружен.

Яна сняла бейсболку. Пышные чёрные волосы раскинулись по плечам. Обернулась и поймала на себе внимательные взгляды пассажиров из автомобиля, движущегося за ними. Этот автомобиль пошёл на обгон. Поравнявшись, мальчики-пассажиры оттуда бурно реагировали на Яну. Изображали всевозможными жестами приглашение перебраться к ним. Сотрудники, сопровождающие Яну, напряглись. Назойливый автомобиль не отставал. Яна подняла руки, показывая наручники. Надо было видеть удивлённые глаза мальчиков-пассажиров! Мгновенно сманеврировав, автомобиль резко ушёл вперёд.

Придя в полный восторг от неожиданной выходки Шумилиной, все расслабились. Глядя в зеркало

заднего вида, принципиальный оперативник бодро заговорил с Яной:

— Ну ты, Шумилина, страху навела на них! Надо было номера машины запомнить, пробить их. Может, наркоманы?

— Я, что ли, должна была номера запоминать? — усмехнулась Яна.

— При чём тут ты?

— Я, что, не знаю, как с пацанами себя вести? И, если надо, дерусь, не уступая им.

— То, что ты — драчунья, мы знаем. Я справки у участкового наводил.

Яна через окно посмотрела на небо. По нему в ярком дневном свете плыли бесформенные облака, словно напоминая о недавней вольной жизни.

— Ты старше меня лет на пять. Но выглядишь, на первый взгляд, на восемнадцать. Точно — пацанка, — продолжал оперативник.

Она, поглощённая мыслями, в ответ лишь машинально кивнула. Теперь, если верить звонку, получается, что Давид жив. Неужели воскрес из мёртвых?

Оперативник развернулся к арестантке:

— Шумилина, что, кумаришь? — удивился, увидев её застывший взгляд.

— Ещё не вечер... — глядя проникновенно в глаза оперу, загадочно ответила Яна.

— А ты, что, кумаришь только по вечерам?

— По вечерам я ловлю кайф, — с грустной иронией ответила Яна.

— Но сегодня тебе придётся ловить, как ты говоришь, кайф, в СИЗО.

— Ты как-то это скучно сказал, — задумчиво произнесла арестантка.

Он несколько секунд смотрел на неё молча, насторожённо. Продолжая игру, она хладнокровно подняла руки вверх.

— Я не понял, ты зачем сейчас привлекаешь внимание соседних машин? Вон, смотри, все уже заглядывают в наш салон. Опusti руки!

— А что? У меня есть интересное предложение! — с азартом воскликнула Яна. — Вас — трое. А я — одна. Вы же не боитесь, что я сбегу?

Неожиданный вопрос озадачил.

— Ты, что, собралась выпрыгнуть из машины? — с недоумением спросил оперативник.

— Я так грубо не живу. Повторяю для особо одарённых: у меня есть интересное предложение, — Яна продолжала держать руки поднятыми.

— Опusti руки!

Яна тут же послушно выполнила команду. С правой стороны показался клуб «Огни города», где она не раз бывала с друзьями. Нахлынувшие воспоминания недавних встреч охватили с новой силой.

— Ну ты же хочешь новую делюгу завести? Чем больше выловишь нариков, тем быстрее карьера пойдёт.

— И что за предложение интересное? — лукаво спросил опер.

— Здесь тусуются все наркоманы, — прошептала Яна, кивая головой в сторону клуба. — Но сейчас рановато. Там жизнь начинается только ночью. Как раз в обед и привозят психотропные вещества, — убеждала с нажимом, подражая киношным героям-полицейским.

Он задумался, как ей показалось.

«Побег!» — одновременно ярко вспыхнула мысль в её воспалённом мозгу.

Глава 2 В ДЕТСТВЕ

На вопрос «кого ты больше любишь — маму или папу?» Яна без промедления отвечала гордо: «Папу!»

— Мама, наверное, тебя наказывает чаще, чем папа? — продолжали приставать взрослые. — Ты такая худышка! Наверное, плохо ешь или тебя не кормят?

Вопросы взрослых раздражали. Она не понимала: зачем есть, если не хочется? Поэтому однажды решила для себя, что никогда не станет взрослой, раз они такие глупые.

Яна считала, что мама к ней слишком придирается:

— Она совсем отбилась от рук! — упрекала та отца после каждого замечания учителей.

Римма Сергеевна могла и мокрым полотенцем хлестнуть по мягкому месту. Зато Сергей Романович и словом не обидел любимицу. Он нередко приходил домой выпивший, становился ещё добрее и учил дочь драться. Яна оказалась способной ученицей, быстро схватывала хитрости рукопашного боя.

Рослая, худенькая Яна больше походила на отца. Она и чувствовала себя настоящим задиристым

пацаном, раздавая оплеухи одноклассникам, доказывала, что может постоять за себя и за других.

С раннего возраста она ненавидела свои косички. Да не сами косички, а то, как их заплетала мама. Казалось, что Римма Сергеевна нарочно дёргала за волосы. Ужасно неприятно! Яна визжала, а мама приговаривала:

— Терпи, казак, атаманом будешь!

Дотерпела, стала атаманом — у пацанов во дворе.

Хотя и с куклами Яна иногда играла. Она им тоже заплетала косички:

— Терпи, коза, а то мамой будешь! — тихо приговаривала.

Когда ей исполнилось пять лет, у неё появился братик. Разглядывая голого малыша, она увидела явную разницу между мальчиками и девочками. Забавно смотрелось, как братик фонтаном писал. Может, тогда она точно поняла: если бы отрезала свои косички, всё равно не стала бы мальчиком.

Вслед за рождением брата Олега, в семью Шумилиных пришло ещё одно приятное событие. Родители получили трёхкомнатную квартиру! Вместо отгороженного шкафом уголка теперь Яна стала владеть целой комнатой. Вот счастье-то! Можно играть в машинки и бороться с папой на ковре. И не надо терпеливо и тихо сидеть в своём углу, пока спит братишка.

Яна пошла в школу, она чувствовала себя непривычно в новой роли. Непонятно, зачем по сорок пять минут на уроках сидеть как привязанная? Учиться не любила, хотя хватала всё на лету, особенно математику.

— У тебя словно заноза в заднице, — делала ей замечание учительница. А одноклассники дружно хохотали над ней. Острый взгляд Яны отмечал, кто больше всех смеялся, и она не оставалась в долгу. Тумаки получали все мальчишки. Она их вылавливала по одному на школьном дворе или на лестничной площадке. Некоторые даже не пытались отбиваться...

Все мальчишки пришли к выводу, что с Шумиловой лучше дружить или держаться подальше от неё. Но на всякий случай лучше дружить. Тем более всех объединяли и школа, и общий большой двор.

Когда худощавая учительница, с острым носом, поднимала указательный палец вверх, в классе наступала тишина. Глаза её за толстыми линзами очков казались огромными. Учительница требовала дисциплины, обращаясь, в первую очередь, к Яне:

— Шумилина, ты всегда стараешься сорвать урок! С тобой за одной партой никто не хочет сидеть!

— И я ни с кем не хочу! — в ответ смело заявляла Яна и продолжала отстаивать своё вплоть до пятого класса.

А в пятом классе появилась новенькая. Новенькую обступили. Первой обратилась к ней Яна:

— Как тебя зовут?

— Наташа, — ответила та испуганно, наслышанная о высокой девочке-драчунье.

Но Шумилина сразу взяла маленькую новенькую под свою опеку и решила подружиться:

— А меня зовут Яна, ты будешь со мной сидеть! — Наташа продолжала смотреть на неё испуганно. — Ты что, не поняла, что ли?

— Поняла, — ответила новенькая, — я же не знаю, где ты сидишь!

Шумилина выхватила портфель из её рук, понесла к своей парте и демонстративно поставила на столешницу.

Наташа не растерялась, как будто и не боялась вовсе. Не сразу к месту пошла, прогулялась меж рядами парт. Класс молча следил за ней.

— Уговорила, я согласна!

От такой реакции Яна примолкла, улыбнулась Наташе и подмигнула.

Теперь в коридорах и на лестничных площадках Яна никого не поджидала, не устраивала никому ловушек. Зато с Наташей подружилась. В школу они ходили всегда вдвоём.

Однажды возвращались домой, возле магазина Яна остановилась.

— Пстой! — приказала и сунула портфель в руки подружки. Через несколько минут вышла из магазина с шоколадкой. — Ешь, это тебе!

— Одна? Давай уж вместе, — промямлила Наташа.

— Я могу их есть, когда хочу и сколько хочу. Это тебе одной. Мой папа на заводе мастером работает и много получает. И мама вообще-то заведующая магазина! Дома у нас всегда много еды! — настаивала Яна. Наташа продолжала стоять с растерянным видом и не сразу решилась развернуть шоколадку. Но Яна, раскрасневшись от возмущения, попыталась: — Твоя мама где работает?

— Она полы моет, — залепетала Наташа, опустив голову, — в подъездах.

— Значит, денег у неё мало! Ешь шоколадку!

Наташа подняла голову. Её бледные щёки запылали, лицо осветилось улыбкой. Она, с удовольствием шурша фольгой, развернула шоколадку и быстро съела.

— Ну и что, вкусно было? — спросила Яна.

Кивая головой, Наташа промычала утвердительно. Взглянув на Яну, вздохнула и произнесла неуверенно:

— Правда теперь я пить хочу.

— Не вопрос! — фыркнула Яна.

Вновь всучила портфель и нырнула в следующий магазин. Наташа озадачилась и медленно потянулась следом за Яной. Подошла к стеклянной витрине, вглядываясь внутрь...

Через некоторое время Яна, взволнованная, выбежала из магазина с бутылкой лимонада.

— Бежим быстро! — прокричала.

Яна не видела, что Наташа продолжала стоять как вкопанная и провожала взглядом спину убегающей подружки. Вслед за Яной выбежала продавщица в голубом фартуке.

— Догоняй её! Бессовестная какая, хулиганка, воровка.

От длинноногой Яны и след простыл.

— Девочка! Ты знаешь её?

— Не знаю, — заикаясь, ответила Наташа.

— Врёшь.

— Не вру...

Махнув рукой, продавщица вернулась обратно в магазин, со всего размаху хлопнув за собой дверь.

Наташа поспешила за угол дома, куда нырнула Яна. Она бежала, оглядываясь по сторонам. Через

два дома повернула во двор. На секунду Наташа приостановилась с унылым, нерешительным видом. На детской площадке, на качелях, сидела Яна:

— На, пей! — протянула бутылку.

— Нет, не буду!

— Ты же хотела пить!

— Выходит, и шоколадка была ворованная!?! — закричала Наташа и расплакалась. Почему-то Яне стыдно не стало, но слёзы подружки её обезоружили.

— Ну ты чё, Наташка, я терпеть не могу, когда плачут. Я же хотела тебе настроение поднять, чтобы тебе приятно было. Ну всё! Хорош-ш! Не реви.

— Яна, понимаешь... Ну плохо это, так нельзя.

— А вот мне нравится. Ненавижу, когда меня воспитывают.

Наташа отбежала от неё в сторону.

— Я не буду с тобой дружить!

— Будешь!

Наташа, хлюпая носом, ничего не ответила, лишь отвернулась от Яны.

— Наташа! — окликнула Яна, сделавшись очень серьёзной. — Посмотри на меня! Я клянусь дружить с тобой всегда!

Наташа повернулась. Губы слегка дрожали. Молчала, глядя открыто в глаза. Яна, придерживая бутылку, швырнула портфель на землю. Вытянув руку, выпятила мизинец:

— Мирись, мирись и больше не дерись!

Наташа невольно улыбнулась. Обида исчезла. Она ответно протянула мизинец, и они сцепились пальцами. Наташа продолжила стишок-мирилку:

— Если будешь драться, я буду кусаться. А кусаться — ни при чём. Буду драться кирпичом.

Уже хором Яна с Наташей завершили стишок:

— Дружба начинается! Сядем на кроватку и разделим шоколадку!

Мгновение они пристально смотрели друг на друга, но рассмеялись после слова «шоколадка».

— Шоколадку я съела одна... — сконфуженно, медленно выговаривала Наташа, опустив глаза. Глядя на её задумчивое лицо Яна воскликнула:

— Ну лимонад будешь пить?

Медленно качая головой, Наташа сердито посмотрела на подругу:

— Яна, больше так не делай, пожалуйста. Обещаешь?

Яна отрицательно покачала головой:

— Обещаю! Больше так не делать при тебе!

Действительно, дружба завязалась у них — не разлей вода. Яна легко сходилась с окружающими. В ней без труда сочетались доброта с алчностью, хитрость с простотой, — и никаких комплексов. Наверное, самым большим достоинством Яна считала свою девичью честь. Она гордилась тем, что мальчиков к себе не подпускает. Тогда и мальчики потеряли к ней интерес как к девчонке, и Яна с Наташкой стали для них «своими», равноценными пацанами.

С годами Наташин характер окреп, трогательная наивность ушла. В старших классах Наташа часто носила вещи, которые добывала подруга. Она к этому привыкла и принимала как должное. А кто бы её ещё так одевал?

Компания Шумиловой часто собиралась на школьном дворе. Здесь всё знакомо: корт с волейбольной сеткой, спортивные брёвна, плотниче-

ские и столярные мастерские. Они сидели на скамейках, в зарослях кустарников.

Однажды Яна подошла к подружке, схватила крепкими руками за плечи, взглянула в глаза:

— Наташка, давай, хорош ломаться! — потребовала Яна, подавая ей сигарету. — Пора тебе учиться курить. — Осенний ветер откинул волосы с Наташиного лица.

— Не уговаривай ты меня! Курить не хочу, не буду никогда.

— Тогда пиво пей!

— Лучше бы мороженое предложила, — проворчала Наташа. — Я не хочу, как мама, — и она насупилась, сдвинув брови. — Я никогда не буду пить и курить! — ответила твёрдо.

Из-за стыда за пьющую мать она постоянно чувствовала себя виноватой. Наташа — единственная среди ребят, не пробовала спиртное и не курила. Она даже пыталась остановить друзей. Но её не слушали:

— Заткнись! Не учи нас! Кто ты такая? Взрослые надоели своими наездами, и ты ещё!

Яна отступила:

— Наташа, да не волнуйся ты так, я не буду тебя заставлять пить и курить.

Прошло время, и для компании Шумилиной тоже прозвенел последний школьный звонок. Но озорной характер юности Яны не изменился. На недовольство мамы:

— Ты уже взрослая. Хватит таскаться со своими хулиганами и с дочерью беспробудной пьяницы!

Яна отвечала:

— А тебе-то Наташа что сделала?

Мама не унималась:

— Что за непонятная профессия — психолог? Ты могла бы выбрать нормальную профессию?

— Какую?

— Например, бухгалтер — самая нужная профессия по жизни.

Яна пыталась объяснить:

— Ты даже не представляешь, как интересно быть психологом. Изучив поведение людей, предвидеть их действия, заранее знать, что ожидать от них, — для меня это важно.

Хмыкнув, Римма Сергеевна пожала плечами.

— С тобой бесполезно спорить.

— Спорить со мной не надо и убеждать меня тоже не надо. Я не меняю своих решений.

Видя, что дочь вот-вот хлопнет дверью, Римма Сергеевна сменила тему разговора:

— На выпускной надо платье покупать...

— Папка мне пообещал, что в воскресенье пойдём на рынок. Я уже присмотрела там кое-что, — мимоходом ответила Яна. Разговор утомил, пора уже бежать к друзьям. Она достала из шкафа пакет с платьем.

— Ты к экзаменам готовишься? — услышала, закрывая дверь.

Яна мчалась к Наташке и к пацанам. С улыбкой несла пакет в руках. Вся компания уже сидела во дворе, на детской площадке. Пацаны смачно тянули сигареты, пуская дым с важным видом, и потягивали пиво.

Подойдя ближе, Яна с прищуром взглянула на крепкого качка Арсения, по кличке «Арс». Он сидел на качелях, с любопытством поглядывая

на неё. Арсений из всех пацанов самый скромный. Яна знала, что он давно бы свалил от этой «шумилинской» оравы, но ему втайне нравилась Наташка.

Наташа раскачивалась рядом на других качелях. Долговязый Игорёха, которого прозвали «Горохом», сидел на скамейке. При виде Яны изо рта у него потекли две струйки пива. Марат, — с отвисшими щеками, по кличке «Толстый», сидевший рядом, локтем ткнул в «Гороха», давая знать, — явилась атаманша! Красные пятна на лице Данила — «Дона», оседлавшего бревно, ещё больше побагровели. Алексей — просто Лёша, удобно расположился в бредке, подальше от всех, рассматривая исподлобья Яну, кончиком языка облизывал горлышко бутылки пива, — был самым важным среди них.

Они смотрели на Яну опьяневшими, пустыми глазами.

— Вот уроды! — подметила для себя Шумилина. — Это моя отвратительная, ужасная компания, и мне с ними весело.

Она ещё с утра обещала друзьям весёлую вечеринку в честь окончания школы.

— Ну что, пацаны, держите штаны! — крикнула Яна, размахивая пакетом. — Наташка, подойди ко мне! Не дрейфь! Сейчас превращение будет.

Наташа с сомнением подошла.

— Так, сейчас, пацаны, все закрыли глаза и поставили ладоши, — распорядилась Яна.

— Что за детский сад? — возмутился Лёша.

Все сделали вид, что глаза закрыли, а на самом деле следили за Шумилиной. Яна всё забавлялась. Достав из кармана упаковку таблеток, подала Наташе:

— На, раздай всем по одной, пока.

Подруга стояла задумчиво, не решаясь сдвинуться с места. Получив от Шумилиной толчок в спину, шагнула к мальчишкам и положила каждому в руку по таблетке.

— Что это за колёса?

— Нормальные таблетки. Ловите кайф! А мы сейчас с Наташей вернёмся. Мы быстро!

Схватив подругу за руку, Шумилина потянула в сторону подъезда:

— А для тебя особый приз!

— Что ты там ещё придумала?

— Сейчас у меня из Золушки принцессой станешь, — и затянула подругу в подъезд. Яна резко выдернула из пакета пышное платье, при этом приговаривая, как фокусник:

— Оп-па!

Белое пышное платье с множеством оборок, выглядело празднично и больше походило на свадебное.

— Это мне?

Яна всякий раз замечала: подруга не знала — удивляться подобным подаркам или радоваться. Поначалу она расстраивалась, испытывая стыд. Затем безропотно принимала всё.

— Что тарачишь глаза, надевай! Это тебе на выпускной. Сейчас пацанов будем удивлять.

— Я не пойду к пацанам в этом платье, — робко отказалась Наташа.

— Всё равно примерь, а вдруг надо ушивать, — требовала Шумилина.

Наташа знала, что от подруги не отвертеться. Смирилась. С блуждающим взглядом она скинула

футболку и джинсы, осторожно натянула на себя платье.

— Ой, грудь какая у нас! — чуть насмешливо похвалила Яна, заглядывая в декольте.

Никогда ещё ей не приходилось видеть Наташу такой красивой!

— Янка, но ты же каждый раз рискуешь, а вдруг попадёшься? — испуганно пискнула подруга.

— Нет! Никогда! Я знаю точно, — это дар.

Ещё раз полюбовавшись на Наташу, Яна с невозмутимым спокойствием придумала на ходу:

— А вообще, если хочешь знать, я взяла его напрокат.

Наташа лишь недоверчиво покачала головой. Но Яна уже не обращала внимания, она торжествовала, ей в голову пришла очень смешная шутка, захотелось немедленно разыграть парней.

— О-ба-на! — с ехидным вниманием подвыпившие парни принялись рассматривать Наташу.

Перед ними красotka: круглые щёки, пышная, оформленная девичья грудь — всё это вызывало в обезумевших пацанах, накачавшихся пивом, повышенный юношеский интерес. Яна, крепко держа Наташу за руку, повела её на школьный двор. Вся компания с визгом и шумом устремилась за ними.

Все расселись на спортивном бревне, словно куры на жёрдочке. Как обезумевшие дикари издавали вопли со свистом, вперемежку с рычанием.

— Арс, иди сюда! — продолжала командовать Шумилина.

Встрепенувшись, Арсений поднял голову и посмотрел на Яну трезвым взглядом. Наверняка догадался, что сейчас что-то произойдёт.

Все замерли, с интересом смотрели помутневшими глазами: что же будет дальше?

Арсений медленно приблизился.

— Я вас объявляю женихом и невестой!

Побледневшие лица зрителей застыли.

— Горох, ты будешь свидетелем. Что стоишь? Подведи жениха! — Арсений не стал сопротивляться. — А я свидетельница у Наташи. Так, все поём «свадебный марш»! — диктовала условия игры Яна, войдя в полный азарт.

— Та-да-ра-тамтам та-да-ра-та-та! — хлопая в ладоши, парни попытались напеть Мендельсона.

Когда Арсений придвинулся ближе к Наташе, она отпрянула от него. Тут вся компания окружила «новобрачных».

Яна крикнула:

— Горько!

Остальные, подражая ей, кричали:

— Горько! Горько!

Наташа растерялась. Поставленная Яной сцена переходила все границы.

Возбуждённая компания ждала зрелища. Напор на «новобрачных» усилился.

— Давайте, целуйтесь! — кричали зрители. — А потом брачная ночь начнётся!

Наташа, сжавшись, не отрывала взгляда от Арсения. Арсений побледнел и шагнул к Наташе:

— Наташа, не бойся, я тебя никогда не обижу, — решительно заявил он...

Слегка прикоснулся к её губам. Все продолжали аплодировать и кричать:

— Горько!

Кто-то начал считать:

— Раз, два... Чё так мало?

— А теперь обними меня за шею, — скомандовал Арсений.

Наташа доверчиво схватилась за его крепкую шею. Крепыш-Арсений, неожиданно для всех, сильными руками поднял и понёс её в сторону деревьев, росших вдоль школьного забора.

Все, разинув рты, замолчали. Яна не готовая к такому развороту, замерла. Потрясённая, провожала взглядом Арсения, несущего на руках красивую невесту. Ветер развевал её длинные белокурые волосы, оборки на юбке платья игриво колыхались. Наступила тишина, все, словно зачарованные, смотрели им вслед.

— Арсений! Пусти, — проронила Наташа, возле калитки.

Арсений, не отрывая взгляда от Наташи, бережно опустил на землю. Оба молча смотрели друг на друга. Он, набравшись смелости, после нескольких секунд колебаний, решил её поцеловать.

Наташа, оскорблённая вульгарной задумкой подруги, в знак протеста на выпускной вечер не пошла. Платье Арсений занёс, отдал Яне без слов.

Яна увидела подругу только на экзаменах.

И через год они не помирились, хотя и выхода Янина забылась, и слишком много всего произошло.